

1930-е гг. — *Вестник Псковского государственного университета*. Сер. Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки, № 3. С. 34–40.

Плеханова А. 2010. Проект создания Ленско-Байкальской области: экономическая целесообразность, интересы национальной автономии или геополитический приоритет. — *Гуманитарный вектор*, № 3(27). С. 145–149.

Хартанович М. 2011. Бурят-Монгольская антропологическая экспедиция АН СССР 1931 г. — *Наука из первых рук*, № 3(39). С. 84–91.

УДК 94(470).084.5

ОФИЦЕРОВА Наталья Владимировна —

к.и.н., доцент кафедры истории Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Россия, г. С.-Петербург, Политехническая ул., 29

oficernv@mail.ru

АПАТИЯ КАК ЖИЗНЕННАЯ СТРАТЕГИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ВЫБОРАХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.

APATHY AS A KEY STRATEGY IN LIFE OF URBAN POPULATION DURING ELECTIONS IN THE SECOND HALF OF THE 1920s

В первое десятилетие советской власти под влиянием складывавшейся однопартийной системы, общего ужесточения политического контроля, усталости населения от постоянных кризисов начала XX в. начала формироваться новая политическая культура. Первоочередной задачей власти было не допустить массового протеста населения, поэтому политический контроль во время избирательных кампаний, как и иных политических событий, занимал важное место в политике властей.

На основе источников, впервые вводимых в научный оборот, автор выделяет две типичные формы апатии советских избирателей: абсентеизм и пассивное поведение на выборах, а также их основные причины, вызванные организационными и репрессивными аспектами проведения избирательных кампаний и поведенческими особенностями советских граждан. К концу 1920-х гг. апатия избирателей из поведенческой реакции превращается в одну из основных жизненных стратегий.

Ключевые слова: *жизненные стратегии населения, апатия, абсентеизм, политический контроль, избирательные кампании*

In the first decade of the establishment of the Soviet regime in conditions of the developed one-party system, of the general tightening of political control, the fatigue of the population from permanent crises of the 20th century the new political culture has started its forming. High-priority task of the government was to prevent mass protests of population, so political control during election campaigns, as well as in the other political events, had an important place in the state policy.

Basing on sources, first introduced in scientific use, the author identifies two typical forms of Soviet apathy of voters: absenteeism and passive behavior in elections; analyzes their underlying motives, caused by institutional and repressive aspects of the electoral campaigns, as well as by behavioral characteristics of Soviet citizens. By the end of the 1920s voter apathy from behavioral response becomes one of the main strategies of their life.

Keywords: *life strategies of population, apathy, absenteeism, political control, election campaign*

Сложившийся в Советском государстве к середине 1920-х гг. однопартийный режим принципиальным образом изменил одну из важней-

ших политических практик — выборы в органы власти. Избирательные кампании ярко отражают восприятие обществом советской власти в целом. Главным

инструментом регулирования избирательного процесса были многочисленные выборные собрания. Протоколы собраний, а также документы политического контроля, статистические материалы и пр. — высокоинформативный источник для изучения советской политической повседневности.

Объектом нашего изучения стала апатия как жизненная стратегия населения. В психологической науке принято следующее определение жизненной стратегии: «принципиальная, реализуемая в различных жизненных условиях, обстоятельствах способность личности к соединению своей индивидуальности с условиями жизни, к ее воспроизводству и развитию». В узком смысле слова — это разработка определенного жизненного решения для преодоления жизненных противоречий [Абульханова-Славская 1991: 245]. Ядром выбранной стратегии являются ценностные реакции личности.

Нам ближе понимание жизненной стратегии как определенной поведенческой реакции человека на кризисные ситуации, впоследствии превращающейся в норму поведения. Французский социолог Ги Бажуа выявил 4 типа поведенческих реакций человека на кризисные ситуации: уход (эскапизм), протест, лояльность и апатия [Чуйкина 2000: 154-156].

Апатия стала одной из важных поведенческих реакций городского сообщества при проведении избирательных кампаний во второй половине 1920-х гг. В информационных документах этого времени апатию определяли как «пассивность <...> где главную роль играет нежелание брать на себя ответственность»¹. Такая пассивность, с одной стороны, была даже выгодна большевикам, т.к. не создавала препятствий к внедрению новых, социалистических выборных практик и приводила к упрочению партийного влияния в городах, особенно на производстве. С другой стороны, всегда существовала опасность перехода населения от апатии к активным формам протеста,

поэтому «пассивность» отмечалась в документах политического контроля в негативном ключе.

В первую очередь обращает на себя внимание форма апатии, которая проявляется в отсутствии избирателей на выборах. В политической науке эта форма получила название «абсентеизм» — уклонение избирателей от участия в голосовании на выборах [Миронов 2012: 11]. Абсентеизм второй половины 1920-х гг. имел ряд объективных и субъективных причин. Частой причиной апатии в форме абсентеизма являлась организация выборов по производственному принципу. Дело в том, что избирательные собрания (как отчетные, так и перевыборные) проводились по месту работы. Отдаленность мест проведения собраний влекла за собой отсутствие на них как семей избирателей (до 25–30%), так и самих работников, особенно если время проведения собрания не совпадало с рабочей сменой².

Центральная избирательная комиссия (ЦИК) СССР в качестве причин абсентеизма называла:

- отсутствие необходимого числа помещений с достаточной вместимостью, что влекло за собой «механическое снижение процента избирателей на выборах»;

- плохую организацию собраний (неявка докладчиков, обилие вопросов в повестке дня, отсутствие четкого расписания собраний, несвоевременное и нечеткое оповещение избирателей);

- назначение собраний на выходные и праздничные дни³.

Стоит отметить, что увеличение числа «лишенцев» (лиц, по различным, прежде всего политическим, причинам лишенных избирательных прав) в избирательной кампании 1926/27 гг. повлекло за собой снижение явки на перевыборные

¹ Материалы обследования фракций низовых организаций (октябрь 1925 г.). Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 9. Оп. 1. Д. 256. Л. 11.

² Письмо В.М. Молотову от 19.02.1927 г. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 85. Д. 263. Л. 334; Информационное письмо ЦК ВКП(б) от 15.02.1927 г. «О ходе кампании перевыборов Советов». Там же. Л. 353-354.

³ Справка о дефектах, отмеченных в ходе кампании перевыборов Советов в 1927 г. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 3316. Оп. 48. Д. 71. Л. 21-28; Циркуляр Президиума ЦИК от 26.09.1928 г. о перевыборах Советов в 1928–1929 гг. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 21. Д. 148. Л. 13-16.

собрания¹. По данным ОГПУ, во время избирательной кампании 1926/27 гг. число «лишенцев» выросло не менее чем в 1,5–2 раза по стране, включая массовые ошибки в лишении избирательных прав (в отношении городской и сельской интеллигенции, членов рабочих профсоюзов, рядовых и офицеров белого движения, призванных по мобилизации, резервного командирского состава Красной армии). На наш взгляд, такое положение дел было связано с общим ужесточением политического контроля в стране, отсутствием активной жизненной позиции, ощущением бесперспективности политической борьбы².

Абсентеизм второй половины 1920-х гг. имел ярко выраженные гендерные различия. Число женщин – избираемых и избирателей – было намного меньше числа мужчин. Причины явления лежат преимущественно в бытовой (большая занятость женщин в домашнем хозяйстве) и материальной («зачем зря ходить на собрания, если жалования не получают и материальной помощи не дают») плоскости³.

Формой апатии становится и пассивное поведение на выборах, нередко отмечаемое в информационных сводках, эго-документах и в прессе. Так, собрания делегатов на Вышневолоцкой мануфактуре (Тверская губерния) прошли безмолвно⁴. Между тем, на предприятии были отмечены неоднократные «нарушения проведения избирательной кампании». Гротескные «выборы» прошли и на красильной фабрике мануфактуры. Старый фабком самоустранился от выборов, поэтому выборы проводили все, кому вздумается, вопреки правилам и инструкциям: «Составит кто-нибудь

подписной лист и бегать по фабрике: “Товарищ, подпишитесь. Верные, дельные люди намечены. Жалеть не придется. Право слово...” И многие ставили, уж больно назойливо упрашивали. Прошли многие, кому там не место»⁵ (эти выборы были опротестованы).

Политическая пассивность была свойственна не только основной массе избирателей, но и коммунистам на производстве и в учреждениях. Заведующий информационным отделом ЦК ВКП(б) Богомолов подчеркивал: «...партийцы играют в молчанку, не дают отпора демагогии и антисоветским настроениям, поддакивают»⁶. Слабое участие и пассивность были свойственны и членам профсоюзов в различных регионах страны (Урал, Нижнее Поволжье, Сталинградская и Ленинградская губернии).

Пассивное поведение могло быть следствием страха. Например, на предприятиях в 1920-х гг. складывался так называемый «треугольник» (партийные комитеты – администрация – профсоюзы) [Ульянова 2013:]. Рабочие опасались проявлять излишнюю активность на любых открытых собраниях, в т.ч. и перевыборных, испытывая страх как перед администрацией, так и перед партийными комитетами, а также перед сотрудниками ОГПУ⁷.

Несмотря на бодрые рапорты Центральной избирательной комиссии СССР и местных ЦИК о постоянном увеличении качественного и количественного состава избирателей (с 48,9% явки в кампанию 1924/25 гг. до 59,2% в кампанию 1927 г.)⁸, секретные информационные сводки фиксируют сохра-

¹ Подсчитано по: Информационное письмо ЦК ВКП(б) от 15.02.1927 г. «О ходе кампании перевыборов Советов». Там же. Д. 148. Л. 356–357.

² См., напр.: «Есть лишённые права выборов, честные ленинцы, благодаря личным счетам комсомольцев, которые в перевыборной комиссии вершат дело. <...> лишили мы тебя, а ты можешь себе хлопотать, обивать пороги ЦИКов». Письмо Н.Тихонова М.И. Калинину. – *Письма во власть. 1917–1927*. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. 1998. М. С. 419–420.

³ Перевыборы делегатских собраний работниц и крестьянок в кампанию 1926/1927 гг. ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 27. Д. 1213. Л. 13–14.

⁴ Молчаливое собрание делегатов. 1925. – *Наш край*, 17 окт.

⁵ Широкая демократия «в кривом зеркале». 1926. – *Наш край*. 20 ноября; Без голосования, но... по подписным листам. 1926. – *Наш край*. 20 ноября.

⁶ Информационная сводка ЦК ВКП(б) «Предварительные итоги перевыборов». РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 309. Л. 8.

⁷ См., напр.: Информационная сводка ЦК ВКП(б) от 12.01.1927 г. ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 27. Д. 1210. Л. 118–120; *Письма во власть. 1917–1927*. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. 1998. М. С. 344–346 и др.

⁸ Выборы в Советы в 1926/1927 гг. ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 48. Д. 50. Л. 3–4; Сводка информационного отдела Ленинградского губкома ВКП(б) от 21.05.1927 г. «Перевыборы Ленинградского совета (11 созыв)». ЦГАИПД. Ф. 16. Оп. 8. Д. 8437. Л. 10.

нение высокого уровня абсентеизма и рост пассивности в ходе избирательных кампаний. Реакция власти на массовый абсентеизм была двойственной — отмены результатов выборов и демократизации избирательной системы до использования административного ресурса [Саламатова 2013: 223].

Расширение проявлений апатии как жизненной стратегии мы относим ко второй половине 20-х гг., что связано с рядом причин. Во-первых, к середине 1920-х гг. в стране складывается однопартийная система и происходит ужесточение политического контроля, проникновение чекистов и их осведомителей в пространство предприятий, учреждений и др. Протестные проявления подлежат обязательной фиксации, большинство населения сложнее проявлять политическую активность. Население осознает опасность открытого выражения своего мнения.

Во-вторых, любое проявление недовольства могло быть зафиксировано навешиванием ярлыка «эсер», «оппозиционер», что влекло за собой разно-

образные последствия вплоть до увольнения.

В-третьих, с 1925 г. официально вводится открытое голосование. Нередким случаем становится голосование «списком», что в силу указанных выше причин влечет за собой рост политической пассивности.

Далеко не всегда «пассивность», отмечаемая в документах, означала «апатию». На протяжении 1920-х гг. избирательные кампании постоянно пробуждали интерес граждан к государственной политике, и «пассивное отношение» нередко означало провал партийных списков на выборах (или, как минимум, провал некоторых кандидатур из списка).

И наконец, информация о повсеместных и частых нарушениях демократических советских избирательных норм не только снижала политическую активность рабочих, но и формировала в «низах» представление о Советах как о второстепенной по сравнению с партией детали политического механизма [Булюлина 2009: 190], что также влекло за собой рост проявлений апатии.

Литература

- Абульханова-Славская К.А. 1991. *Стратегия жизни*. М.: Мысль, 299 с.
- Булюлина Е.В. 2009. «Каста самураев»: местные партийные комитеты в 1920-е гг. (на материалах Нижнего Поволжья). — *Научные ведомости БелГУ*, № 4. С. 183-191.
- Мионов М.А. 2012. Абсентеизм как форма волеизъявления на выборах. — *Вестник Российской правовой академии*, № 1. С. 11-13.
- Саламатова М.С. 2013. Абсентеизм в контексте советских избирательных кампаний 1920-х гг. — *Вестник НГУЭУ*, № 2. С. 215-224.
- Ульянова С.Б. 2013. Складывание «треугольника» на предприятиях. — *Новейшая история России*, № 1. С. 169-184.
- Чуйкина С. 2000. Дворяне на советском рынке труда. — *Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920-е — 1930-е годы* (под ред. Т. Вихавайнена). СПб.: Журнал «Нева». С. 151-192.
-